

Отзыв

официального оппонента о диссертации Белецкого Ильи Александровича «Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

Актуальность темы сомнений не вызывает. Изменение характера и степени общественной опасности неосторожных преступлений, все возрастающая тяжесть последствий является, по сути, обратной стороной научно-технического прогресса и технологической революции. Законодательство, в том числе, уголовное, теряет свойство адекватности регулируемым и охраняемым общественным отношениям.

Уже в первых строчках диссертации автор недвусмысленно обозначил свое намерение подвергнуть ревизии действующую систему уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ и оказании услуг. Сославшись на важность соблюдения принципов правовой определенности и правовой экономии, диссертант заявляет, что указанные выше нормы не отвечают перечисленным принципам, что создает возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения. Такое, довольно резкое заявление ко многому обязывает исследователя. Забегая вперед, заметим, что этот вывод был достаточно аргументированно и основательно подтвержден в процессе проведенного исследования. Достоверность суждения основывается не только на формально-логическом анализе уголовно-правовых норм, но и на тщательно проведенном исследовании практики применения исследуемых норм уголовного закона.

Автором использованы данные, полученные в результате изучения 186 приговоров, вынесенных судами различных субъектов Российской Федерации за преступления, связанные с нарушением правил безопасности при производстве работ или оказании услуг; обработаны статистические сведения о количестве преступных нарушений правил безопасности при производстве работ или оказании услуг, зарегистрированных на территории

Российской Федерации в период 2010-2016 г. Кроме того, проведено анкетирование более 600 граждан по вопросам, связанным с назначением наказания за совершение исследуемых преступлений, а также видом преступных последствий, обуславливающих наступление уголовной ответственности за нарушение правил безопасности ведения работ или оказания услуг. Полученные в результате конкретно-социологических исследований результаты весьма продуктивно использованы для анализа возникающих проблем и формулировании аргументов, подтверждающих позицию диссертанта.

Также следует отметить достаточно квалифицированное обращение диссертанта со статистическими данными. Известно, что сами по себе данные статистики редко отражают реальную картину, однако при надлежащем анализе они все же позволяют выявить необходимые закономерности, в том числе характеризующие динамику и состояние правоприменения. Именно такой подход к материалам статистики и демонстрирует И.А. Белецкий. Фиксируя факт увеличения числа преступлений, производство по уголовным делам, по которым было приостановлено, автор отмечает, что в подавляющем большинстве случаев основанием для приостановления производства по уголовному делу являлось то, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Подобная ситуация, конечно же, выглядит странной: как может быть доказано нарушение правила (а без этого не может быть квалификации по ст. 143, 216 УК РФ), если не установлено лицо, которое является адресатом правового предписания. Диссертант находит ответ на этот вопрос, лежащий, казалось бы, в плоскости УПК РФ, а не УК РФ: По его мнению, «это свидетельствует, скорее, о сложностях квалификации и доказывания вины, чем о невозможности установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, поскольку по таким категориям посягательств ответственное лицо очевидно, то есть его личность известна». Такой вывод диссертанта выглядит убедительным и, соответственно, вносит свой вклад в повышение

уровня достоверности полученных им результатов. В сочетании с другими методами исследования итоги конкретно-социологических исследований обеспечивают высокий уровень доверия к полученным результатам, позволившим выявить основные «болевые точки» механизма уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг и сформулировать предложения по их устранению.

В результате исследования автором решен целый комплекс научно-практических задач: выделены особенности исторического становления норм об уголовной ответственности за нарушение правил безопасности ведения работ или оказания услуг в отечественном уголовном праве; выявлены факторы, обуславливающие общественную опасность исследуемых составов преступлений; определены особенности уголовно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасности ведения работ или оказания услуг; исследованы элементы и признаки составов преступлений, входящих в изучаемую автором группу общественно опасных деяний; разработаны предложения по совершенствованию законодательной регламентации ответственности за нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг и практики применения уголовно-правовых норм. Все это в совокупности позволяет сделать вывод о значимом вкладе, внесённом диссертантов в уголовно-правовую науку. Полученные результаты, несомненно, имеют не только высокое теоретическое значение, но и важны для совершенствования практики применения уголовно-правовых норм об ответственности за нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг.

Весьма квалифицированно проведено исследование исторических корней состава преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ и других сходных составов преступлений. Это не «фотография» законодательства разного периода, как это нередко бывает в случае формального применения сравнительно-исторического метода исследования. Автор детально и системно проводит анализ действовавших в разное время норм об

ответственности за преступления рассматриваемого вида. Например, диссертант выявляет ситуации, когда в одном случае жизнь и здоровье ставились под охрану статьей, предусматривающей ответственность за нарушение строительных правил (автор приводит в качестве примера «ст. 128 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»), а не по статье, содержащей признаки состава преступления против личности. Правда, можно было бы здесь добавить, что и сама глава 10 Устава, в которой расположена ст. 128, называлась «О проступках против личной безопасности» и уделить несколько строк понятию личной безопасности. Например, выявить, чем это понятие отличается от неприкосновенности личности в сегодняшнем ее понимании и от общественной безопасности, включающей причинение вреда неопределенному кругу лиц.

Заслуживает поддержки идея автора сосредоточить основания ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг в рамках всего лишь трех статей УК РФ: ст. 109, 118 и ст. 216 УК РФ. Это не просто технический прием, за которым стоит желание унифицировать и упростить основание уголовной ответственности за однотипные общественно опасные деяния, но решение, в основу которого положено исследование юридической природы объединяемых составов. В данном случае высокий уровень теории и глубина проникновения в сущность исследуемых явлений позволяют сформулировать практически значимые результаты. Предложения унифицировать основания ответственности простоты и исполнимы. Прежде чем сформулировать свои предложения, диссертант основательно изучил имеющуюся по его теме литературу, тщательно выверяя позиции авторов по рассматриваемым вопросам.

Правильно критикуя факты избыточности описания признаков при формулировании составов преступлений, диссертант тем не менее в проектируемой статье оставляет словосочетание «выполнение работ» и «оказание услуг». Эти термины различаются в гражданском и налоговом праве, однако их разделение связано не с содержанием деятельности, а с

природой ее результатов. Например, согласно ст. 38 НК РФ, работой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц (п.4), услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности (п. 5). В таком случае все же необходимо уточнить что входит в объективную сторону нарушения правил безопасности производства работ, результаты которых не объективизированы в определенном предмете – само деяние или результат в виде удовлетворения определенной потребности заказчика? Или то и другое вместе?. Диссертант тоже озабочен вопросом соотношения рассматриваемых понятий, но в другом контексте. На с. 56-57 он отмечает, что «если «работы» в ст. 216 УК РФ включают в свое содержание и «услуги», то необходимо уяснить, в чем принципиальное отличие этой статьи от ст. 238 УК РФ, которая в своей диспозиции также содержит уже названные термины?» (с. 56-57). Представляется, что все же диссертанту необходимо уточнить, является ли причиной наступления смерти или причинения тяжкого вреда здоровью, а в определенном случае крупного ущерба, сама деятельность (выполняемая работа) или ее результаты, опасные для жизни и здоровья?

Убедительными выглядят рассуждения автора о соотношении диспозиций рассматриваемых ст. 216 и 238 УК РФ, однако некоторые аргументы вызывают вопросы. Диссертант отмечает, что «в п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ указано последствие в виде тяжкого вреда здоровью или причинения смерти **человека**, а не потребителя. По его мнению, это логично, поскольку «при нарушении правил безопасности при выполнении работы или оказании услуги для потребителя (например, установка газового оборудования) пострадать могут жильцы многоквартирного дома, которые, какой бы пространной ни была дефиниция «потребителя», к таковым в данной ситуации отнесены быть не могут» (с. 58).

Действительно, на практике такие случаи квалифицируются иногда по ст. 238 УК РФ, что подтверждают и наши собственные исследования практики, да и диссертант приводит пример по делу о террористическом акте в аэропорту Домодедово, когда действия обвиняемого СК РФ квалифицировал по ст. 238 УК РФ в отсутствие у потерпевших статуса потребителя. Однако странно, что явные ошибки в квалификации диссертантом используются в качестве аргумента для подтверждения расширительного толкования признаков потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Логике диссертанта можно было бы понять, если бы законодатель указал на причинение смерти иным кроме потребителя лицам. А то, что он употребил для обозначения потерпевшего слово «человек», то это вполне естественно. Последствие в виде *физической* смерти может быть отнесено лишь к человеку, а не к его статусу потребителя.

Неубедительно и мнение автора, согласно которому «практика применения указанной нормы также свидетельствует о том, что статус потерпевшего по смыслу ст. 238 УК РФ не оказывает влияния на квалификацию соответствующих деяний» (с. 58). Такая практика свидетельствует о грубых ошибках в применении уголовного закона, который был создан как раз, по мысли законодателя, для повышенной охраны именно потребителя товаров и услуг. В противном случае совершенно непонятно, к чему новая норма об ответственности за выполнение работ при наличии многих других. Вряд ли удачным можно признать аргумент в виде другого примера из судебной практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 УК. Диссертант пишет, что «изучение текста приговора позволяет нам утверждать, что потерпевшим по делу выступил гражданин, не проживающий в доме, с крыши которого сошел снег, а значит не являющийся потребителем соответствующей услуги» (с. 59). Но ведь возможна и другая позиция: такого рода муниципальная услуга оказывается не жильцам дома, а проживающим и пребывающим в данном населенном пункте гражданам, с целью защиты их от возможного падения обледенелого снега. К слову, представители вуза,

готовящего следователей СК РФ, в своих публикациях не сомневаются, что потерпевшим может быть лишь потребитель (см., напр., Российский следователь. 2015. N 20. С. 52 – 54). Но самое главное: почему автор не замечает прямое указание законодателя на признаки потерпевшего в диспозиции ст. 238 УК РФ: оказание услуг и выполнение работ «не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей». Все квалифицирующие признаки ч. 2 и ч. 3 статьи отсылают именно к этой формулировке. Можно не соглашаться с законодателем относительно целесообразности выделения потребителя в качестве специального субъекта (жизнь и здоровье самоценны и без этого статуса), но поскольку такое выделение имеется, вряд ли это можно так явно игнорировать

Диссертанта можно поддержать в плане критики самой нормы ст. 238 УК РФ, сконструированной крайне неудачно, особенно в части конкуренции с нормами ст. 216 и даже с 293 УК РФ. В частности, вполне убедительным является вывод автора о том, что, «если услуга (работа) является муниципальной (государственной), она является выражением государственных полномочий, финансируется за счет средств бюджета, и ее оказывает должностное лицо, преступные деяния подлежат квалификации по ст. 293 УК РФ, а если она представляет собой действия или деятельность, предусмотренную гл. 39 ГК РФ, финансируется за счет средств физических и юридических лиц, и ее оказывает должностное лицо, преступные деяния подлежат квалификации по ст. 238 УК РФ». Вполне можно поддержать и другие критические замечания относительно избыточного уголовно-правового регулирования (а по терминологии диссертанта- воздействия) в сфере регламентации уголовной ответственности за нарушения правил производства работ и оказания услуг. Особенно убедительной выглядит критика совершенно необъяснимого разброса санкций за различные виды нарушений правил при одних и тех же последствиях. В построении системы санкций за эти преступления нарушена не только логика, но и здравый смысл.

В предлагаемой новой норме об уголовной ответственности за нарушения правил безопасности производства работ автор не наделяет субъекта преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, специальными признаками, вынося это свойство в число квалифицирующих признаков состава преступления. Но в таком случае желательно все же выдвинуть гипотезу относительно возможного количественного соотношения реальных случаев совершения преступлений обычным лицом (надо понимать в рамках бытовых работ) с фактами совершения такого преступления лицом, исполняющим профессиональные обязанности. Практика применения ст. 216 УК РФ в действующей редакции (по нашим данным) показывает, что в опубликованных приговорах она применяется в подавляющем большинстве случаев к ситуациям выполнения работ в качестве профессиональной деятельности. Не получится ли так, что на практике будет применяться только квалифицированный состав ст. 216 УК РФ, а причинение вреда при производстве бытовых (хозяйственных) работ, как и сегодня, останется в рамках квалификации по ст. 109 или ст. 118 УК РФ?

В принципе, диссертант предусматривает возможность перераспределения случаев причинения тяжкого вреда здоровью или смерти при производстве работ и оказании услуг между статьями 109, 118 и 216 УК РФ по такому признаку объективной стороны состава преступления, как обстановка совершения (возможность причинения вреда ограниченному кругу лиц либо неограниченному кругу лиц). Для обоснования наличия такого разграничительного критерия автор обращается к сопоставительному анализу основного и дополнительного объектов преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ. В частности, он отмечает, что дополнительный объект преступления, закрепленный в ст. 109 УК РФ, является общим относительно основного непосредственного объекта в преступлениях, установленных специальными нормами. В качестве дополнительного аргумента ссылается на мнение Л.В. Иногамовой-Хегай, отмечавшей, что в указанных преступлениях один объект - жизнь - совпадает, другой объект, касающийся сферы

профессиональной деятельности, находится в соотношении общего и частного. На этом основании И.А. Белецкий делает интересный вывод: расположение ст. 109 УК РФ в главе 16 УК РФ свидетельствует о том, что законодатель на первый план выводит личность, а не отношения общественной безопасности, по крайней мере, так можно трактовать слова диссертанта: законодатель хотел сделать «акцент на том, что для названной нормы небезразлична личность потерпевшего» (с. 107).

Этот аргумент можно принять в качестве серьезного обоснования сформулированной позиции, но достаточно ли такого теоретически верного анализа для правоприменителя, который привык ориентироваться на то, что прямо записано в законе или указана в рекомендациях постановления Пленума Верховного Суда РФ? Между тем, в диспозиции проектируемых диссертантом статей такой разграничительный признак прямо не указан. Не вытекает прямо этот разграничительный критерий и из контекста предлагаемой новой редакции ст. 216 УК РФ при том, что статьи 109 и 118 УК РФ остаются в прежней редакции. Следовательно, единственная надежда на правильное толкование правоприменителем объекта преступления.

Зная проблемы нашей практики, можно предположить, что если последствия причинены при производстве работ или оказании услуг, то будет применяться ст. 216 УК РФ, а во всех остальных случаях – ст. 109 и 118 УК РФ, тем более, что правила производства работ обычно сформулированы таким образом, что они предназначены для предупреждения вреда как участникам этой деятельности, так и посторонним лицам. Исключение для требований по охране труда - они специально созданы для защиты жизни и здоровья персонифицированного лица, находящегося с работодателем в трудовых отношениях. Таким образом, вполне возможно, что все деяния, которые сегодня подпадают под действие ст. 143 УК РФ, окажутся (если исходить из рекомендации диссертанта) в сфере действия ст. 109 и 118 УК РФ.

Кроме того, напрашивается следующий вопрос: если диссертант считает, что такие непосредственные объекты составов преступлений, как право на труд в безопасных условиях (ст. 143 УК РФ), безопасность во взрывоопасных

цехах (ст. 217 УК РФ), благоприятная окружающая среда (ст. 246 УК РФ) не придает специфики указанным составам, порождает сложности применения уголовного закона, то придаст ли такую специфику признак обстановки совершения преступления, которая проявляется в возможности причинения вреда ограниченному либо неограниченному кругу лиц? Будет ли такой разграничительный признак более понятным для правоприменителя?

Наши вопросы не следует воспринимать как возражение против предлагаемого диссертантом разграничительного критерия, но они вызывают необходимость уточнения позиции автора. Дело в том, что сама по себе идея разграничить указанные виды общественно опасных деяний по предлагаемому автором критерию, в принципе, имеет смысл. И в этой части вполне можно согласиться с очень точной аргументацией диссертанта: «В этом случае человек, не контактируя напрямую с виновным (как происходит при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей врачом), не может ожидать неблагоприятных для себя последствий, оказывается неготовым сопротивляться им, вследствие чего становится более уязвимым». В этом же русле, характеризующем *повышенную* общественную опасность рассматриваемых преступных деяний, укладываются выводы автора, приведенные в конце параграфа: распространенность и повторяемость на территории России, обусловленной в том числе расширением сферы производства и оказания услуг населению; отдаленный характер наступающих последствий (С. 165). К этому можно было бы, на наш взгляд, добавить и такой аргумент: риск причинения вреда конкретному человеку воспринимается более предметно, и он более очевиден для нарушителя мер предосторожности, чем риск причинить вред неопределенному кругу лиц. Для того и существуют специальные правила безопасности, облеченные в форму правовых предписаний, чтобы компенсировать неопределенность в представлении лица о возможных последствиях. Предлагаемый автором признак, для того чтобы служить разграничительным критерием, должен, как нам представляется, быть зафиксирован в тексте статьи Уголовного кодекса, причем с четким определением свойств такой ситуации. Кроме того, на наш взгляд,

рискоориентированный подход необходимо использовать и при конструировании квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ. Дело в том, что некоторые виды работ значительно выделяются по возможности причинения вреда в случае нарушения специальных правил. По степени риска для жизни и здоровья многих лиц вряд ли можно уравнивать работы по строительству обычных производственных объектов и работы, производимые на взрывоопасном предприятии. Не считает ли диссертант возможным формулирование дополнительных квалифицирующих признаков проектируемой ст. 216 УК РФ с указанием вида производимых работ или оказываемых услуг: например, производство работ на взрывоопасных объектах, оказание услуг, потребителем которых являются дети до определенного возраста?

Оригинально выстроена структура анализа автором отдельных элементов нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг. Диссертант рассматривает элементы действующих и проектируемых им составов преступлений в тесной взаимосвязи. Такое сопоставление позволило наглядно представлять возможные плюсы предлагаемой автором конструкции по сравнению с действующим законодательством.

Заслуживает высокой оценки детальность проработки элементов состава преступления. Например, рассматривая вопрос о том, надо ли дополнять диспозицию ст. 216 УК РФ такими отдельными этапами строительства, как инженерные изыскания или проектирование, диссертант приходит к выводу о том, что указанные этапы охватываются термином «строительные работы». При этом он демонстрирует неплохие знания норм других отраслей права, в которых эти вопросы разрешены на уровне закона. Автор исходит из того, что строительные работы (непосредственное возведение, реконструкция или демонтаж) на объекте недвижимости ГК РФ относит к разновидности подряда, ровно так же, как и проектные и изыскательские работы, в связи с чем «нарушение правил безопасности

ведения работ» как основной признак состава преступления охватывает и такие разновидности подряда, предусмотренные параграфом 4 главы 37 («Подряд») ГК РФ, как проектные и изыскательские работы. За счет такого раскрытия содержания понятия, заимствованного из сферы гражданского права, экономится текст самого уголовного закона. Тем самым диссертант тонко и последовательно проводит линию не только на унификацию оснований уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг, но и стремится при проектировании нового состава избегать излишеств в описании признаков состава преступления, которые могут вызвать конкуренцию между искусственно созданными альтернативными признаками состава преступления.

Такой же достаточно глубокий подход демонстрирует автор и при анализе других элементов состава преступления, проявляя при этом научную смелость, подвергая критике сложившиеся представления о свойствах и природе неосторожных преступлений, связанных с нарушением правил при производстве работ и оказании услуг. Естественно, такой подход не может не вызывать вопросов и возражений, поскольку ломает привычные стереотипы. Впрочем, и наши замечания во многом вызваны именно указанным обстоятельством. Как водится, не все эти смелые предложения диссертанта будут немедленно восприняты наукой и практикой. Все новое пробивает себе дорогу сквозь многие и многие сомнения и проверяется временем, однако работу приходится оценивать уже сегодня. В пользу положительного вывода говорит тот факт, что выявленные нами дискуссионные положения касаются лишь отдельных деталей, которые даже если наши замечания признать полностью справедливыми, не могут изменить в целом стройной и логично развиваемой, убедительно и, изредка, возможно, излишне категорично аргументируемой, частной теории ответственности за преступления, связанные с нарушением мер безопасности при производстве работ и оказании услуг.

В целом ознакомление с работой Белецкого И.А. позволяет сделать вывод, что диссертация «Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг» представляет собой внутренне единую научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований решена задача, имеющая важное значение для развития науки уголовного права.

Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования изложены в 4 научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендуемых ВАК России, а также в 9 статьях, опубликованных в других изданиях. Автореферат отражает основные положения диссертационного исследования. Работа соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предусмотренным п. 9 – 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней. Автор диссертации – Белецкий Илья Александрович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

доктор юридических наук, профессор

Н.И. Пикуров

Подпись Пикуров Н.И. заверяю:
заведующий
отдела государственной службы и кадровой работы
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

М.А. Терявская М.А.
« 24 » ноября 20 14 г.

Николай Иванович Пикуров, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», доктор юридических наук (12.00.08), профессор (107078, г.Москва, ул.Новая Басманная, д.10, стр.1, каб. 711; тел.: 8(495)623-13-07; официальный сайт: www.agprf.org; e-mail: pikurovni@mail.ru)